

Литература

1. Петухов В.Н. Корпорации в российской промышленности: законодательство и практика: Науч.-практ. пос. М., 1999.
2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999.
3. Тоффлер Э. Третья волна. М., 1999.
4. Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999.
5. Цит. по: Иноземцев В.Л. Творческие начала современной корпорации // За десять лет. К концепции постэкономического общества. М., 1998.
6. Цит. по: Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества. М., 1998.

В.В. Шевцов

КАТЕГОРИИ «ПРАЗДНОСТЬ» И «ТРУД» В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ XVIII– НАЧАЛА XX ВЕКА

Томский государственный университет

Важнейшими составляющими в жизни человека являются труд как способ освоения окружающей действительности и обеспечения собственной жизнедеятельности (а при благоприятных условиях и как способ самовыражения) и время праздности, прерывающее течение трудовой повседневности периодом незанятости, свободы от обязательных дел, посвященное реализации особого праздничного «текста».

Мировосприятие отдельного человека, его позиционирование в обществе во многом основано на этих категориях, изучение которых способно приблизить к пониманию еще одного измерения истории, измерения, раскрывающего своеобразие различных исторических периодов, выявляющего связь прошлого с современностью, когда праздник и связанная с ним система символов и моделей поведения лишились своих первоначальных сакральных смыслов и сделали часть массовой культуры, а восприятие труда приблизилось к его первоначальному смысловому значению – «тяжелая ноша, досада, печаль».

Эпоха XVIII столетия началась с масштабных изменений в истории России, связанных с форсированной модернизацией и началом перехода средневековой культуры к культуре Нового времени. Новые навыки, модели поведения и потребности усваивала прежде всего дворянская верхушка общества, которую Петр I «приневолил» носить одежду европейского покроя, изучать иностранные языки, получать образование, посещать ассамблеи, постигать премудрости светского поведения и досуга. В петровское время сфера серьезного весьма существенно дополнилась сферой игрового, способствующей утверждению новых форм поведения и реабилитации веселья.

Однако усвоение русским дворянством норм европейского общежития было второстепенным, при-

кладным по отношению к усвоению им военно-технических навыков и несению государственной службы. В этом отношении первый русский император лишь усилил традицию, сформированную его царственными предшественниками, рассматривавшими дворянство как слой военных и административных служащих.

В то же время наряду с внедрением передовых новшеств в социально-экономической и политической жизни, на русскую почву осуществилась передача уже ушедшего в прошлое рыцарского, аристократического идеала средневековья, в котором идеалы праздника были превыше идеалов производительного труда.

Осуществление русским дворянством этого идеала началось в послепетровскую эпоху, когда оно постепенно стало освобождаться от государственной службы, сохраняя за собой прежние и приобретая новые права. Жизненная энергия русского дворянства стала во многом сосредоточиваться в сферах демонстративной праздности и расточительного потребления, в подражание европейским стандартам. Дворянство приобрело черты «праздного класса»¹, воспроизводящего средневековый рыцарский идеал, уже ушедший в прошлое в Западной Европе.

Если сравнить портрет средневекового рыцаря, составленный В. Зомбартом и А.Я. Гуревичем, с русским дворянином екатерининского века, то мы обнаружим практически полное совпадение.

«Вести жизнь сеньора значит жить “полной чашей” и давать жить многим; это значит проводить свои дни на войне и на охоте и прожигать ночи в веселом кругу жизнерадостных собутыльников, за игрой в кости или в объятиях красивых женщин. Это значит строить замки и церкви, значит показывать блеск и пышность на турнирах или в других торже-

¹ Авторство этой дефиниции принадлежит американскому экономисту и социологу Т. Веблену (см.: Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984).

ственных случаях, значит жить в роскоши, насколько позволяют и даже не позволяют средства... Деньги сеньор презирает: они грязны, так же как грязна и всякая приобретательская деятельность» [1, с. 12–13].

«Среди доблестей, характеризующих феодально-сеньора, на первом месте стояла щедрость... Рента, собираемая им со своих владений, дает ему возможность устраивать пиры, празднества, принимать гостей, раздавать подарки – словом, жить на широкую ногу... Расчетливость, бережливость – качества, противопоказанные ему сословной этикой. О его доходах заботятся бейлиф, управляющий, староста, его же дело – проедать и пропивать полученное, раздавать и расточать имущество, и чем шире и с большей помпой он сумеет это сделать, тем громче будет его слава и выше общественное положение, тем большим уважением и престижем он будет пользоваться» [2, с. 194–195].

В Европе этот идеал все более и более утрачивал свои позиции под влиянием Реформации, просветительского критицизма и принципов «мещанской добродетели» и, наконец, был решительно низвергнут в своей цитадели – во Франции. Средневековое дворянство вытеснялось «новым дворянством», ориентированным на накопительство, хозяйственную деятельность, утилитаризм, рациональную организацию времени. Досуг, время праздника стало пониматься как небольшой временной промежуток, восстанавливающий силы для последующей трудовой активности.

Уже в XVIII в., и в особенности в XIX (который как явление историческое, а не хронологическое, ведет свой отчет с 1789 г.), непомерная щедрость, праздность, презрение к производительному труду в европейской традиции воспринимались как анахронизм. Индивидуальные порывы в сторону «своего удовольствия» сдерживались давлением корпоративной этики и осознанием выгоды сохранять благопристойный облик: «Следует воздерживаться от всяких беспутств, показываться только в приличном обществе; нельзя быть пьяницей, игроком, бабником; следует ходить к святой обедне или к воскресной проповеди; коротко говоря, следует и в своем внешнем поведении по отношению к свету также быть добрым «мещанином» – из делового интереса. Ибо такой нравственный образ жизни *поднимает кредит*» [1, с. 99–100].

«Труд и производство становятся идеалом, а вскоре и идолом. Европа надевает рабочее платье. Доминантами культурного процесса становятся общественная польза, тяга к образованию и научное суждение», – отмечал Й. Хейзинга в своей работе [3, с. 216].

Поэтому так однообразны в своих описаниях русского высшего общества англичане, французы и другие представители динамично развивавшихся наций – они видели самих себя в прошлом, вернее, свою аристократию. Многие сентенции о светской пустоте, те-

атральности, праздности, расточительстве, внешней морали едва ли не слово в слово повторяли высказывания французских моралистов XVII столетия Лабрюйера и Ларошфуко о своем отечестве.

Русское же дворянство, которое в собственно средневековье в большинстве своем было бедным, материально несамостоятельным, подчиненным и обязанным службой государству, смогло осуществить рыцарский идеал только в XVIII в. Именно в Новое время дворянство осознало себя самостоятельной корпорацией, превосходящей все другие сословия и обладающей исключительными правами в имущественной, судебной, управленческой и культурной сферах. Дворянство обрело материальную самостоятельность, освобождение от государственных повинностей и широкие возможности выбирать род занятий. Наконец, сфера досуговой деятельности, престижного потребления, культивирования норм внутрисословной этики и этикета стали приоритетными и по времени и по затрачиваемым усилиям в сравнении с хозяйственной, общественной и политической деятельностью.

Можно сказать, что культура русского дворянства XVIII в. во многом складывалась как культура праздничных, игровых форм поведения, сложившихся в результате диспропорции между свободным временем и временем труда. «Результаты западного влияния – тяжелое впечатление праздной игры, забавы, – отмечал В.О. Ключевский, – это оттого, что западное влияние нам нужно было для насущного дела, а оно в XVIII в. пало на среду, живущую чужим трудом и оставшуюся без дела, потому принужденную наполнять досуг игрой, забавой» [4, с. 112].

Кроме того, следует отметить, что в дворянской субкультуре пространство праздника не было ограничено обрядовыми смыслами и временем, как это характерно для традиционных сообществ. Одна из существенных черт праздника – это приостановка действия моральных норм и активизация стихийных, чувственных проявлений человеческой природы, поэтому переизбыток праздника в дворянской среде порождал падение нравов (что предоставило М.М. Щербатову обширный материал для его консервативно-критического сочинения).

Сформировавшиеся в екатерининскую эпоху формы позиционирования дворянства в обществе делали его узнаваемым на протяжении всего последующего существования императорской России. Персонажи пиршественной культуры екатерининского века были объектами восхищения и подражания не только среди окружающих их современников, но и на последующие времена запечатлелись для будущих гедонистов как «славные предки», деяния которых рассматривались как истинные проявления «русского барства».

В XIX в. в дворянском обществе произошли очень важные перемены, которые можно обозначить как духовный прорыв. Если в XVIII в. русское дво-

рянство усваивало внешние стороны европейской культуры – мир вещей, потребности, модели поведения, а также училось понимать и использовать европейские идеи, то в XIX в. началась творческая, самостоятельная рефлексия по поводу усвоенного инокультурного опыта. Из социальной элиты выкристаллизовалась элита интеллектуальная. Умственный настрой этого образованного меньшинства был связан с осмыслением процесса приобщения к западной культуре, острым осознанием своей этничности и обращением к национальным корням, необходимостью интеллектуального саморазвития и социально значимой деятельности.

В этом отношении одним из наиболее показательных примеров служит биография Л.Н. Толстого. В жизненном пути этого писателя пересеклись культурно-психологические пласты XVIII и XIX столетий, отразился общий процесс развития русской культуры. В молодости Толстой воспроизводил наследие XVIII в., придерживаясь типичного для дворянского этоса сценария. Он ориентировался на «внешнюю благовоспитанность» (*comme il faut*), вел беспутный мотовской образ жизни неустоявшегося дворянина, получая доход со своего имения. «Ночи цыганерства», женщины, попойки, карты, гнетущая праздность – все это предшествовало обретению Толстым своего предназначения. «Жизнь моя была обычная, дрянная, с мирской точки зрения, жизнь беспринципных молодых людей», – писал Толстой уже на склоне лет. Он даже хотел уничтожить дневники своей холостой жизни, чтобы «выступить перед детьми и публикой только в своем патриархальном виде», но все же оставил их в назидание потомкам [5, с. 16]. Только в процессе личностного и творческого роста «человек играющий» XVIII в. уступил место «человеку творческому» XIX в.

Переход от дионисийского начала к апполоновскому произошел лишь у меньшей части социальной элиты. Дворянское большинство XIX – нач. XX в. оставалось на внешнем инфантильном уровне воспроизводства европейской культуры, предоставляя современникам и историкам материал для печальных выводов о духовном обнищании социальных верхов.

А.Ф. Тютчева, проведенная при императорском дворе с 1853 по 1866 г., так отзывалась о носителях верховной власти в России: «Маленькая горсточка по своему воспитанию и образу жизни ставших совершенно чуждыми стране, деморализованных жизнью среди роскоши и поверхностных удовольствий, родина которых – итальянская опера или французский ресторан, чтение – газетные фельетоны, а единственный закон – достижение наибольшего материального благополучия, – эта маленькая горсточка... направляет судьбы великого народа!» [6, с. 42].

По мнению земского деятеля и педагога Н.Ф. Бунакова, общим стремлением дореформенного дворянства было стремление «веселиться, наслаждать-

ся, прожигать жизнь по своему вкусу... вечера с музыкой, танцами, обильными ужинами, азартная карточная игра, попойки, вот чем была наполнена жизнь большинства». И хотя это общество было не лишено «умственного развития, эстетических вкусов внешнего европеизма», но жило «без истинно нравственных основ, без великих гражданских доблестей, без потребностей живого, разумного труда» [7, с. 30].

В пореформенное время нежелание и неспособность дворянства ограничить сферу престижного потребления и досуговых жизненных идеалов в пользу утилитарной деятельности приняло драматичный характер. Тамбовский помещик С.Н. Терпигорев оценивал положение дворян-землевладельцев как «оскудение» (хотя, конечно, оно было относительным как потеря материальной самостоятельности и невозможность воспроизводства образа жизни «полной чашей»). Существенные материальные средства, полученные в результате выкупной операции, не спасали от разорения, поскольку тратились на то, чтобы вновь «вызвать» и «возродиться» к жизни. Дворянство по-прежнему, не снижая оборотов, продолжало воспроизводить характерные для екатерининской эпохи формы позиционирования в обществе, надеясь на поддержку государства: «Теперь “мы” тратили последние крохи, и тратили их с тем же непонятным, невероятным и необъяснимым ни для кого апломбом и легкомысленным упорством... Замечательнее всего здесь то, что ведь это не был кутеж человека с отчаяния. Мы до последнего рубля – вздоха верили в жизнь свою и ждали, что вот-вот случится наше полное, полнейшее выздоровление, и опять селянки, осетрина, икра, шампанское, шампанское и шампанское!..» [8, с. 632].

Русский историк Н.А. Астафьев отмечал, что общественная жизнь России на рубеже веков характеризовалась усилением атеистических, материалистических и потребительских настроений. «Если жизнь человека кончается со смертью тела, если удел человека есть лишь настоящая его земная жизнь, если жизнь это чисто физическая, то целью ее, очевидно, должно быть приобретение возможно большего количества земных благ, физических наслаждений... Вместо недавнего еще стремления к честному, идеальному, – погоня за наживою, как характерная черта нашего времени, всем знакомая. Оно и понятно, – так как деньгами можно удовлетворить всем потребностям и прихотям нашей животной природы» [9, с. 29–30]. Этот «пагубный дух нашего времени», по мнению Астафьева, сформировался на Западе под влиянием развития естественных наук, атеизма и утилитаризма.

Идея о «глетворном влиянии Запада» далеко не нова. Важно другое: как и многие почвенники, Астафьев в пылу публицистического обличительства современности и безнравственного секулярного Запада проигнорировал фактор внутреннего состояния

русского общества, которое делало весьма сомнительным возможность спасения в «слове Божьем». Направление развития, результаты которого Астафьев наблюдал на рубеже веков, русское общество взяло еще в начале XVIII в., и многие черты неприемлемой автором «буржуазной культуры» возникли и развились в дворянской среде.

Русское дворянство, начавшее после реформ стремительно утрачивать свои позиции в экономике, сохранило свое положение в политике и оставалось доминирующим образом в сфере культуры и быта. В сословном обществе с обостренным чувством социальной иерархии и четкими различиями высший-низший, маркированными определенными атрибутами, каждый социальный слой стремился не только сохранить свой сословный статус, но и приблизиться к уровню жизни стоящих выше на социальной лестнице. Даже формирующаяся с середины XIX в. российская разночинная интеллигенция, подчеркивающая независимость от предшествующей культурной традиции и существующей социальной иерархии, в своем повседневном поведении стремилась ориентироваться на жизненный уклад, свойственный дворянской аристократии.

Так же как в XVIII в. русское дворянство подражало европейским образцам, в XIX в. состоятельные городские слои (прежде всего купечество) стремились подражать, в меру своих сил и способностей, уже европеизированному русскому дворянству. Естественно, что многие реципиенты так и остались на примитивном уровне воспроизводства внешних форм. Тем более что для глубокого понимания и усвоения нормативной системы дворянства необходимо было располагать значительным количеством свободного времени.

Несмотря на самокритику и критику дворянского сословия со стороны интеллигенции, обвинения в социальном иждивенчестве и потребительстве, упреки в экономической и политической пассивности, осуждение внешней поверхностной европеизированности, дворянство в целом выполняло в русском обществе очень важную культурную миссию. Именно дворянство стало проводником западноевропейской культуры в русском обществе и именно в рамках дворянской субкультуры и под ее воздействием было выстроено великое здание русской культуры XIX в. во всех ее многообразных проявлениях – от искусства и литературы до образа воспитанного человека.

Кроме расточительного потребления дворянство сделало приоритетными и такие категории развития личности, как высокий уровень образования, культура речи, владение иностранными языками, правила хорошего тона, представления о чести и благородстве. Этот вектор развития, задававший направление всему обществу, был отнюдь не самым худшим и до сих пор остается значимым ориентиром. Именно в дворянской среде сфера досуга была осознана не

только как сфера отдыха и развлечений, но и как сфера личностной творческой самореализации.

В крестьянской субкультуре соотношение категорий «труд» и «праздник» было иным. Земледельческий труд был формой ценностной и свободной жизнедеятельности по обустройству и расширению своего культурно-хозяйственного пространства. Преобразуя природу, человек воспринимал ее как интегральную часть самого себе, а не как простой объект приложения труда. Всепоглощающий труд уравнивался временем праздника, когда умеренность и сосредоточенность сменялись весельем, игрой, употреблением спиртного, вольностью в общении полов. Работа и отдых дополняли друг друга, взаимодействовали и объединялись общими мировоззренческими установками.

Сфера праздника была тесно связана с обрядовыми смыслами. Так, игра как составная часть праздника за его пределами утрачивала сакральную санкцию и увлечение ею в будни рассматривалось как «пустое занятие» (праздник = пустой). Только для молодежи на период оформления брачных отношений игровое время и пространство расширялись за счет будней.

В фольклорных текстах неограниченность праздничного времени соотносилась с образом жизни «нечистой силы» и периферийным, опасным пространством. Черты, водяные и другие «нечистые» на пирах, свадьбах, в кабаках и нежилых домах с охотой предаются таким «изобретенным» ими занятиям, как питье вина, курение табака, шулерская игра в карты и кости.

С развитием фабричной промышленности значение труда и отношение к его результатам претерпели изменения. Труд рабочего – это прагматическая деятельность, воспринимаемая как повинность и как потеря времени жизни. Личность рабочего в странах с догоняющей экономикой – это лишь придаток к уже существующим средствам и отношениям производства, он важен как исполнитель ограниченного набора механических навыков, творческое и эстетическое восприятие объекта труда сведено к минимуму. Результаты такой деятельности сугубо материалистические – деньги и фрагмент искусственной реальности, являющейся собственностью промышленника. Освободившись от обременяющего и монотонного труда, рабочий стремился восполнить недогрузку впечатлений крайними, праздничными проявлениями (анти-труд, анти-созидание), не связанными с обрядовыми и общественными функциями. Так сферы праздника и труда утрачивали взаимосвязанность и приобретали оппозиционный характер.

Нормированный рабочий день, ослабление семейных и общинных регуляторов поведения, праздничная атмосфера города приводили к изменению чередования работы и отдыха, подчиненного естественно-природным ритмам – время праздника мог-

ло начаться по окончании работы или после выдачи недельного заработка. Такие элементы праздничного поведения, как употребление спиртного, обильная еда, азартные игры, половая свобода в условиях города становились значимыми ориентирами сами по себе, вне связи с праздничным временем. Нарастание трудноразрешимых противоречий в деревне, потеря опоры в разрушающихся общинных институтах создавали необходимость в праздничном снятии возникшего социального дискомфорта как путем ухода в город, так и путем переноса в деревенскую повседневность городских ценностей.

Как и в случае с европеизирующимся дворянством XVIII в., в крестьянском сословии второй половины XIX – нач. XX в. появилось стремление стать «полированным человеком», т.е. воспроизвести прежде всего внешние стороны жизни социальной элиты, выступавшей носительницей «европейской цивилизованности». Эти стремления можно проследить не только в реальных изменениях в повседневном быту, но и в воображаемом мире фольклорных образов. В русских бытовых сказках счастливый и вольный герой представлялся как пребывающий в бездельности, праздности и довольстве, а достижение этого состояния происходило посредством внезапного социального взлета, при помощи волшебного предмета [10, с. 240–260].

Возникла парадоксальная ситуация: в то время как образованное сословие наконец-то проявило живой интерес к мужику, к народной речи, к своим народным корням и всерьез задумалось о нивелировке европейской цивилизацией самобытной культуры, в среде самого народа, к которому отправились народники и фольклористы, обнаружилась устойчивая тенденция к отторжению традиционных ценностей. Начался второй этап распада русской традиционной культуры, затронувшей уже не верхушку общества, но его основную массу. Так же как в Европе XVI–XVIII вв., где «аристократическая и рыцарская культура перелицовывается и приспособляется для менее взыскательных вкусов плебса» [2, с. 504], в России XIX в. происходила массовизация культуры верхов, которая, однако, не поднимала культуру народа до своего уровня, а, напротив, низводилась до уровня массового носителя. Несмотря на различия в ментальных характеристиках, механизм восприятия инокультурных новшеств и в дворянской и в крестьянской субкультурах был типологически схож и одинаково безобразен: та же картина «повреждения нравов» и угасания традиционных ценностных ориентаций. Крестьянство воспроизводило жизнь на «господскую ногу» в уже устаревшем варианте XVIII в. Инфантильный экстремизм по отношению к своей культуре, стремление расширить время праздности, «образованность», чревоугодие, щегольство в одежде на европейский манер, увлечение азартными играми – этот путь в свое время уже проходило русское дворянство. Среди крестьян,

нацепивших перчатки, нахватавшихся иностранных слов и посвящающих свободное время вину и картам, мы узнаем дворянских недорослей, пытавшихся воспроизвести самые привлекательные в их понимании стороны европейского общежития.

Журналист и публицист В.О. Михневич в очень эмоциональной форме писал, что распространение «цивилизации» в народе принимает характер «карикатурного обезьянничества», сопровождающегося презрением ко всему родному: «Все эти сюртуки, жилетки, “панье” и т.п. предметы гардеробной и домашней рухляди, скроенной и сшитой по моде, на “немецкий” фасон, вносятся в крестьянский быт наряду с массой новых, без разбору схваченных на городской улице, большею частью непонятных или понятных вкривь и вкось, идей, понятий слов, привычек, манер и предрассудков из сферы интеллигентной жизни... Получается какая-то дикая, безобразная амальгама изувеченных обрывков и крупиц европейской культуры с обезличенными, разлагающимися остатками и чертами отживающего старого типа «мужика», с его примитивной грубостью и невежеством, которые одни и сохраняются долее и неприкосновеннее из всего дедовского наследия» [11, с. 389–390].

Писатель Г.И. Успенский с тревогой отмечал нашествие новой волны недорослей, «саврасов-будущего» из среды крестьянских «миродов»: «...они – в “пинжаках”, “при часах”, взвскивают по тятенькиным распискам и заседают в трактирном заведении. Коньяк, портвейн – это им известно. Карты также в большом ходу. Эти новые люди никогда не знали и не узнают, что такое книги, что значит читать, ни о каких буквально вопросах, ни жгучих, ни нежгучих, никто и никогда их них не думал, ни о какого рода работе мысли не имеет понятия, не может быть представлен ни к какому делу, где нужно напряжение ума, потому что деньги наживаются простым отнятием чужого» [12, с. 404–405].

Конечно, мысль об охране земельных порядков и культивировании аграрного сектора, к которой исподволь подводили Михневич и Успенский своего читателя, не соответствовала объективному ходу истории. Гораздо важнее описание того переходного типа, как носителя жизненных ориентиров и потребностей праздного класса, в противовес традиционным идеалам. Несмотря на суровую критику, можно предвидеть последующие результаты эволюции этих переходных жизненных форм, основываясь на дворянском прецеденте. В рамках одного-двух поколений, конечно, невозможен был полноценный переход от крестьянского к урбанизованному типу личности, обладающей наименьшими возможностями для интеллектуального и творческого роста.

Однако если в отношении дворянства значительную роль сыграл фактор времени, то в случае с крестьянством естественное течение времени было пре-

рвано революцией, поощрявшей уничтожение всего, что ассоциировалось с властью и существованием барина. Но удаление одного слоя общества влечет за собой необратимые изменения для других. Гротескным воплощением городского маргинала, вознесшегося на волне постулирования примитивизма, стал булгаковский Шариков. Простейшие развлечения (кабак, цирк, синематограф), хамское поведение, потребительство, социальная агрессивность, погоня за материальными благами, беспепелляционность суждений, игнорирование норм нравственности и морали (объявленными буржуазными) – эти качества перестали уравниваться более культурным обществом, вытравляемым государством и закупаемым маргиналами.

Даже в советское время, несмотря на идеализацию и априорную безгрешность рабочего класса, несмот-

ря на громадные меры по «возвышению» его досуга, советские социологи признавали, что такие черты, как пьянство, склонность к нарушению общественного порядка и вообще низкие культурные запросы, продолжали быть характерными для рабочей среды и имели тенденцию к росту [13, с. 141]. Возникновение этих процессов объяснялось эксплуататорской сущностью самодержавия, когда это общественное зло порождалось «гнетом, темнотой, забитостью масс, циничной политикой правящих кругов», а последующее существование опять-таки с укоренившимися пережитками эксплуататорского прошлого, «печальной инерцией истории». Более же существенная и глубокая причина заключается в забвении традиционных регуляторов поведения и инверсии социального идеала, когда невежественный, но пролетарий, стал выше и «лучше» образованного интеллигента.

Литература

1. Зомбарт В. Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. М., 1994.
2. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры // Гуревич А.Я. Избр. труды. Т. 2. М., 1999.
3. Хейзинга Й. Homo ludens. М., 1992.
4. Ключевский В.О. Западное влияние в России после Петра // Неопубликованные произведения. М., 1983.
5. Шифман А.И. Дневники Льва Толстого // Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 20 т. Т. 19: Дневники 1847–1894 гг. М., 1965.
6. Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. 1853–1855. М., 1990.
7. Бунаков Н.Ф. Моя жизнь, в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной. 1837–1905 гг. Спб., 1909.
8. Терпигорев С.Н. Оскудение // Отечественные записки. Вып. 8. Спб., 1880.
9. Астафьев Н.А. О духе времени. Спб., 1900.
10. Шевцов В.В. Образы игры, игрока и игральные карты в русском фольклоре // Вопросы отечественной и всеобщей истории. Томск, 2003.
11. Михневич В.О. Исторические этюды русской жизни. Т. 2. Спб., 1882.
12. Успенский Г.И. Бог грехам терпит // Успенский Г.И. Собр. соч.: В 9 т. Т. 5. М., 1956.
13. Гордон Л.А. и др. Черты социалистического образа жизни: быт городских рабочих вчера, сегодня, завтра. М., 1977.

М.А. Слюсаренко

«СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК» РОССИИ И ПРАЗДНИЧНАЯ КУЛЬТУРА НАЧАЛА XX ВЕКА

Томский культурно-просветительский фонд им. П.И. Макушина

Прозрение, интуиция философов, поэтов, художников России на изломе веков девятнадцатого и двадцатого стали источником шедевров русской культуры этого периода и весьма значимой составной частью мировой культуры. «Серебряный век» – это неотъемлемая часть русской истории, отмеченной особым духовным состоянием российского общества. «Его характеризуют система ценностей, строй отношений художника и публики, формы взаимоотношений внутри художественной среды, постановка и решение художниками насущных вопросов времени... Именно мировидение, особенности общественной и духовной жизни эпохи управляют художественным процессом» [1, с. 23]. По мнению русского эмигранта, культуролога Владимира Вейдле, хоть и продолжался «серебряный век», как и пушкинский «золо-

той», всего лет двадцать, но вычеркнуть эти двадцать лет из нашей истории нельзя. «Ими завершены и увенчаны ее лучшие два столетия» [2, с. 220].

Многочисленные изыскания в области духовного состояния творческой жизни в России на рубеже XIX и XX столетий доказывают, что в это время происходила смена доминирующего стиля культуры, мировоззренческого и художественного видения целого поколения. А. Новиков пишет, опираясь на исследования В. Вейдле, что все тогда обновлялось или начало обновляться: политическое сознание общества и религиозное сознание Церкви, университеты и университетская наука, философия, литература, музыка, театр – все виды искусства. Новые глубинные явления в русской культуре характеризуются стремлением по-новому осмыслить роль человека, религии,